

ТОТ, КТО ТЕБЯ НАЙДЁТ

А.М. СУНГУРСКИЙ

А.М. Сунгурский

Тот, кто тебя найдёт

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Тот, кто тебя найдёт / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Частный детектив Марк Ремизов находит мужчину, которого разыскивает сестра. Через несколько минут найденного убивают на глазах у Марка. В тот же день погибает и заказчица. Пересматривая прежние дела, Марк обнаруживает ещё одну смерть после удачного поиска. Родные обращались за помощью по-настоящему. Но кто-то использовал их просьбы — и работу сыщика, которому доверяли. У Марка остаётся незаконченный заказ: найти Владу Сорокину. Её дочь просит вернуть мать, сама Влада меняет адреса и отказывается объяснять, от кого скрывается. Каждый шаг поиска может привести к ней убийцу — и Ремизову придётся найти её так, чтобы не выдать. Он привык заканчивать работу, когда человек найден. Теперь именно с этого начинается самое страшное.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тот, который справа	5
Глава 2. Открытые ворота	9
Глава 3. Чужой рукав	13
Глава 4. Список завершённых дел	17
Глава 5. Письмо, которое дошло	20
Глава 6. Кого ждут дома	23
Глава 7. По другую сторону реки	26
Глава 8. Человек, который вернулся	29
Глава 9. Не тот поворот	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

А.М. Сунгурский

Тот, кто тебя найдёт

Глава 1. Тот, который справа

На фотографии было трое мужчин, и Алина в третий раз показывала на того, который справа, хотя Марк уже запомнил его лицо. Она прикрывала остальных двумя пальцами. Указательный был заклеен пластырем, на среднем засохла тёмная краска; когда она отодвинула руку, на глянце осталось мутное пятнышко.

— Вот такой он был перед отъездом. А не на той карточке, где коротко стриженный. Ту мама любила, потому что он ещё приличный.

Марк повернул снимок к окну. Мужчина справа шурился на солнце, прижимая к бедру собаку. Лицо не изменилось настолько, чтобы понадобилась новая фотография. Изменилось другое: на первом снимке Егор Шатров был один, в рубашке, с отутюженным воротником. Здесь он смеялся, и собака пыталась вывернуться у него из-под локтя.

— Сколько собаке лет?

— Уже нет её. Вы на него смотрите.

— Я смотрю. Спрашиваю, когда снято.

Алина опустила глаза, рассердилась на себя и стала поправлять ремешок сумки.

— Восемнадцатый год. У мамы на даче. В августе, кажется. Мы тогда ещё все приезжали.

Она принесла фотографию в девять утра, без записи, и теперь пыталась заплатить за повторный приём. Деньги лежали поперёк квитанции, две мятые купюры. Он сдвинул их к краю стола.

— Алина, мы с вами договор подписали в четверг. Дополнения к нему можно принести бесплатно. Хоть мешок фотографий.

— Мешка нет.

— Тогда ещё удобнее.

Она не улыбнулась. Марк убрал ненужную шутку вместе с ручкой.

Внизу заработал станок Эдуарда Павловича. Ровное жужжание на секунду перешло в визг: мастер шлифовал каблук. Помещение Марк снимал на втором этаже старого торгового здания в Канавине, над ремонтом обуви; по утрам пахло клеем, а в пятницу соседка из маникюрного кабинета просила сделать потише разговоры, будто пропавших родственников можно было искать шёпотом. Табличку «Частный детектив» хозяин разрешил повесить у лестницы после того, как Марк нашёл его племянника в Воронеже. Племянник не пропадал — он женился и не хотел сообщать об этом семье. Теперь присылал дяде фотографии младенца, а хозяин считал розыск блестяще проведённой операцией.

— Вы что-нибудь узнали? — спросила Алина.

— Есть человек, с которым я хочу поговорить.

— Он?

— Пока не знаю.

Она перестала мучить ремешок. В первый день у неё были гладко убраны волосы и аккуратные ногти. Сегодня несколько прядей прилипли к шее, а на рукаве куртки белело что-то похожее на мел. Марк знал, что она работает парикмахером и открывает салон к десяти. Её напарница уже дважды звонила; оба раза Алина смотрела на экран и выключала звук.

— Если это он, скажите, что я не про квартиру.

— Я записал.

— Он подумает, что про квартиру. Я ему в последнем сообщении... Ну, много всего написала. Мама тогда умерла, надо было всё оформлять, а он как сквозь землю. Я одна с нота-риусом, с её вещами. Я не прошу вас оправдывать меня, просто скажите, что документы давно закончились. Ему от меня ничего не нужно подписывать.

Марк открыл её папку. Четверговая запись занимала полторы страницы: брат не выходил на связь, сестра пыталась найти его через прежних знакомых, несколько лет приходили редкие сообщения с меняющихся номеров, потом прекратились и они. Обращение в полицию у неё приняли; последняя известная работа оказалась старой, по прежнему адресу он не жил. Её попросили сообщать любые новые сведения. Ничего нового не было до звонка Игоря Зубова.

— Вы с Зубовым после нашей встречи разговаривали?

— В пятницу. Он спросил, приняли ли меня.

— Что ещё?

— Ничего. Я сказала спасибо. Вы ведь от него?

— Мы работаем отдельно.

— А он сказал, вы друг другу помогаете.

Это было близко к правде, хотя дружбой Марк такую связь не называл. Зубов занимался посредничеством: находил юристов, оценщиков, людей для неприятных разговоров между бывшими супругами. Иногда присылал тех, кому нужен был настоящий розыск. Он не задавал лишних вопросов и платил за консультации вовремя — редкое сочетание, которое Марк успел оценить. По Алине часть расходов закрывал человек, пожелавший помочь семье. Деньги поступили через неё, договор был заключён с ней. Марк проверил личность и родство, записал обстоятельства; причин отказываться тогда не увидел.

— Адрес брата я вам без разговора с ним обещать не могу, — сказал он. — Мы это обсуждали. Если человек сознательно не хочет общаться, я могу передать вашу просьбу.

— Передайте.

— Даже если он откажется?

Алина провела пальцем по липкому краю пластыря.

— Пусть сам откажется. Пусть скажет вам. Я хочу знать, что он может сказать.

Марк закрыл папку. Такое объяснение было точнее всего, что они обсуждали в четверг. Он слишком часто слышал от клиентов, что им необходимо только убедиться в благополучии человека, а потом находил за этим требование вернуться, заплатить, покаяться, жить правильно. Алина тоже хотела большего; он видел это по тому, как она смотрела на фотографию. Но сейчас она сумела остановиться на том, что могла просить.

Она встала и, прежде чем застегнуть сумку, достала небольшой свёрток из бумажного пакета.

— Это не вам. Если встретите.

Внутри лежала серебристая зажигалка. По бокам потемнела, на крышке был глубокий косой след.

— Отцовская. Я ему написала, что выбросила. Не выбросила.

— Он курит?

— Раньше курил. Может, бросил. Не всё же вокруг этого.

Он снова едва не сказал что-то ненужное. Вместо этого нашёл маленький прозрачный пакет, положил зажигалку внутрь и записал, от кого получил. Алина следила за его рукой.

— Как улику оформляете.

— Чтобы не перепутать с другими отцами.

На этот раз она коротко засмеялась, неожиданно низко. Лицо на секунду стало похоже на лицо мужчины с собакой.

— У вас много?

— У меня вся работа — чужие вещи. Потом кто-нибудь спрашивает, где они, а я должен помнить.

Он отдал ей купюры. На лестнице она задержалась, позвонила напарнице и стала извиняться за опоздание. Голос доносился через приоткрытую дверь, деловой и раздражённый: клиентку на окрашивание нужно было принять вовремя, осветлитель стоял в нижнем ящике, только не тот, у которого синяя крышка. Через минуту внизу звякнул колокольчик, и Марк остался с человеком на фотографии.

Оба мужчины рядом с Егором держали шампуры. У среднего на футболке виднелся след собачьей лапы. Марк разглядывал их без особого интереса, пока не заметил у правого края снимка сложенную стойку для автомобильного стекла. Такие ставят в мастерских. За дачным забором, вероятно, работал кто-то из соседей. Он увеличил снимок телефоном и увидел на стойке белые буквы, часть которых закрывал Егор.

Ему хотелось принять это за подсказку. Он уже искал автоэлектрика, и всякая железка на фотографии начинала казаться частью пути. Марк положил телефон. Человек, с которым он собирался поговорить, появился не из увеличенного снимка. Двое старых знакомых Шатрова независимо назвали мастера по прозвищу Шрам, работавшего на окраине Автозаводского района. Один считал, что у того другие имя и фамилия, второй вообще не видел его несколько месяцев. Совпадали специальность, возраст и манера беречь правую руку. Этого хватало для поездок, но не для обещания сестре.

Любовь Кострова пришла без десяти десять с тубусом под мышкой. На ней был длинный зелёный плащ, расстёгнутый вопреки погоде. Она поставила тубус у шкафа, посмотрела на фотографию и сказала:

— Если опять нужны люди на заднем плане, у меня сегодня только полчаса.

— Мне нужен человек на переднем. Который справа.

— Все говорят «справа», а потом выясняется, что имелось в виду его собственное право.

Она села на край стола, достала очки и придвинула снимок. Марк убрал из-под её локтя чашку.

— Ты сегодня где?

— В помещении, за которое собираюсь заплатить больше, чем могу себе позволить. В двенадцать мне покажут проводку и будут убеждать, что потолок всегда был таким.

— Мастерская?

— Уже третья. В первой нельзя воду, во второй нельзя шум, а в этой пока можно всё, кроме дешёвой аренды.

Она давно собиралась открыть фотографическую мастерскую: портреты, небольшие семейные архивы, печать, реставрация повреждённых снимков. Марк слушал её рассказы с доброжелательностью, в которой обнаруживалась неприятная ему самому надежда, что ничего не выйдет. С Любой они не состояли в одном штате, но она занимала соседний кабинет, подхватывала трудные разговоры, замечала то, на что он смотрел слишком уверенно. В её отсутствие работа становилась не столько тяжелее, сколько неприятнее.

— Я не прошу смотреть проводку, — сказала она. — Ты сейчас собирался предложить.

— Я собирался предложить торговаться.

— Я уже. Поэтому мне и показывают проводку. За такие деньги она должна самостоятельно проявлять фотографии.

Она вернула снимок.

— Тут нечего восстанавливать. Лицо хорошее, резкость есть. Новую карточку можно сделать, если понадобится. Девушка его сестра?

Марк кивнул.

— Она хотела зайти ко мне, потом передумала. Что-то про человека, который оплатил. Я сказала, у тебя спросить.

— Про Зубова?

— Имени не называла. Ты сам спроси, мне уже пора.

Он набрал Алину, но она не ответила. Вероятно, принимала ту самую клиентку. Марк написал, что можно позвонить, когда освободится, и сунул зажигалку во внутренний карман куртки. Сегодняшняя поездка была одной из тех, ради которых он когда-то ушёл из уголовного розыска: найти живого, поговорить, передать близким хотя бы весть. Ему нравилась возможность закончить дело без трупа.

У лестницы Эдуард Павлович прикреплял к стене новую полочку. Держал её коленом, потому что обе руки были заняты, и сразу потребовал помощи.

— Подержи. Только ровно.

Марк взялся за край.

— Так?

— Ровно, говорю. У вас всё на глаз. Потом люди приходят, каблук завален, спина болит. Ты какой рукой пишешь?

— Правой.

— Вот правую подними. Чуть-чуть. Теперь стой.

Марк стоял, пока мастер завинчивал шуруп, и видел через витрину свою машину между белым фургоном и тёмным универсалом. На универсале водитель менял дворник, безуспешно пытаясь защёлкнуть крепление. Дождь шёл мелкий, почти невидимый; его замечали по плечам людей, входивших с улицы.

Эдуард Павлович вытер ладонью полочку и поставил на неё единственный ботинок.

— Всё, иди искать. У меня тоже один пропал. Женщина вторую неделю не забирает.

На улице Марк поднял воротник и, проходя мимо универсала, машинально хотел объяснить водителю, как повернуть крепление. Тот уже справился, опустил дворник на стекло и сел за руль. Марк не успел толком увидеть лицо — только короткую седину над ухом и красную полоску на большом пальце.

Он отъехал, думая об Алине и её зажигалке. На светофоре телефон коротко завибрировал. Сообщение от неё состояло из двух фраз: «Если найдёте, сначала позвоните мне. Ему пока ничего не говорите про помощь».

Марк перечитал сообщение, дождался зелёного и перестроился. До мастерской оставалось ехать через полгорода. Он собирался позвонить Алине оттуда, прежде чем начинать разговор.

Глава 2. Открытые ворота

Кооператив начинался за шиномонтажом, где на тросе висела шина, похожая на спасательный круг. Марк проехал мимо неё дважды: в первый раз принял узкий въезд за дорогу к контейнерам. За воротами оказалось просторнее. Между рядами гаражей стояли фургон без колёс, накрытый плёнкой кузов и старый автобус с выцветшими занавесками; из открытого бокса доносилась музыка, которую заглушали короткие удары металла о металл.

Алина всё ещё не отвечала. Он посидел в машине, набрал сообщение и стёр. Спрашивать письменно о человеке, оплатившем поиск, было неудобно. Она могла испугаться, подумать, что возникли претензии к оплате, а у неё и без того хватало причин тревожиться. Марк решил сначала убедиться, что приехал к нужному мастеру.

Хозяин первого открытого бокса слушал его, не вылезая из смотровой ямы. Над краем торчали лысина и очки; руки время от времени исчезали под днищем.

— Электрик там, где синий «каблук». Только он сегодня с людьми не разговаривает.

— Совсем?

— Со мной разговаривал. Я поэтому и говорю.

Марк пошёл дальше. Под ботинками хлюпала вода, с крыши струйкой лилось прямо на дверную ручку фургона. Возле синей машины стоял мужчина в рабочей куртке, держа провод зубами. Он посмотрел на Марка, опустил провод и сказал, что запись только на следующую неделю.

На фотографии Алина прикрывала остальных двумя пальцами, и сейчас Марку почему-то вспомнилась именно её рука. Мужчина похудел, нос стал заметнее, у виска появилась серебристая прядь. Но глаза, чуть неодинаковые по разрезу, были те же.

— Я не про машину. Вы Егор?

Мужчина посмотрел мимо него, на проход между гаражами.

— Ошиблись.

— Алина просила передать вам вещь.

— Я сказал, ошиблись.

Марк не стал доставать пакет. Оставил руки так, чтобы их было видно, и назвал себя. По дороге сюда он несколько раз представлял разговор: человек раздражается, отказывается от встречи, потом спрашивает о сестре. Иногда действительно получалось почти так, как представлял. Сейчас в лице Егора была не злость. Он смотрел на припаркованную машину Марка и словно прикидывал расстояние до неё.

— Кто дал адрес?

— Адрес мне никто не давал. Искал по прежним знакомым. В одном месте вспомнили мастера с вашей специальностью, потом уточнил здесь.

— Где здесь?

— Я не собираюсь перечислять вам людей, которые просто ответили на вопрос. Сестра хочет знать, что вы живы. Больше я ей пока ничего не сообщил.

Егор усмехнулся, но губы почти не двигались.

— Уже хорошо.

Он бросил провод в открытый капот, отошёл к стене и достал сигареты. Прикурить с первого раза не смог: дешёвая зажигалка щёлкала, давая короткую искру. Марк вынул прозрачный пакет.

Егор перестал щёлкать.

— Она сохранила?

— Сказала, что выбросила, но сохранила.

— Похоже на неё.

Марк протянул пакет. Егор взял его двумя пальцами, разорвал по шву и долго крутил зажигалку, надавливая большим пальцем на косую царапину. Потом открыл крышку. Огня не было — Алина не заправляла её, — но звук получился чистый, сухой. Егор закрыл и открыл ещё раз.

— Батя на неё дверью наступил. Точнее, она под дверью была. Он думал, камень мешает, пнул. Потом мне же отдал, потому что кривая.

Он наконец прикурил от своей пластмассовой, а отцовскую положил во внутренний карман. От этого движения куртка раскрылась, и Марк увидел футболку с давно оторванной эмблемой. Под ней проступал живот худого человека, у которого почти не осталось мышц.

— Мать-то он пережил, — сказал Егор. — Я вам что, говорю, будто вы знаете.

— Сестра рассказывала немного.

— Немного. Это она может. Потом два часа о том, как я ей жизнь испортил.

— Она просила передать, что не про квартиру.

Егор резко поднял глаза.

— А про что тогда?

— Хочет поговорить.

— Поговорить можно было и раньше.

— Для этого надо ответить.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Егор докурил, бросил окурок в банку с водой и отодвинул ногой ящик, освобождая проход в бокс.

— Не стойте посередине. Тут ездят.

Внутри висели автомобильные жгуты проводов. На верстаке среди разъемов лежал раскрытый хлебный пакет, в нём два ломтя батона и луковица. Марк заметил кружку, под которой темнел круг от кофе, и детский рисунок на дверце металлического шкафа: красный грузовик с огромными колёсами. Не обязательно дети Егора. В мастерских рисунки могли остаться от кого угодно и пережить нескольких арендаторов. Раньше он слишком любил делать из таких предметов выводы.

— Телефон есть? — спросил он.

— У вас? В кармане звенел.

— У вас, Егор.

— Есть. Рабочий.

— Можно ей позвонить с моего. Скрывать номер не придётся.

Егор вытер ладони ветошью и взял телефон, но номер набирать не стал.

— Кто ей вас посоветовал?

— Игорь Зубов. Знакомый посредник.

Фамилия ничего не изменила в лице Егора. Он спросил, чем этот человек занимается, и Марк объяснил. Тогда Егор поставил телефон на верстак экраном вниз.

— Она ему платила?

— За мою работу платила мне. Часть расходов ей помогли закрыть.

Егор выругался. Без громкости, почти устало. Марк ждал, что последует обычная претензия: сестра тратит деньги, у неё самой нет. Но Егор подошёл к воротам, выглянул и вернулся.

— Кто помог?

— Я собирался у неё уточнить. Вы знаете кого-то?

— Уточнить он собирался.

Он стянул рабочую куртку, бросил на сиденье, сразу поднял снова и забрал зажигалку. В шкафу висела другая куртка, тёмная, потёртая на манжетах. Переодеваясь, он уронил связку ключей; наклонился слишком быстро и ударился плечом о дверцу.

— Егор, что происходит?

— Сейчас выйдем. Только не на вашей машине. Вы пешком немного можете?

— Могу. Но сначала объясните.

— Здесь не буду. И ей не звоните.

Он взял телефон Марка, сунул ему в руку и повёл к задней части бокса. Там была ещё одна дверь, узкая, с фанерной накладкой. Она открывалась во двор соседнего ряда. За гаражами росли берёзы, под ними лежал строительный мусор, а дальше виднелся низкий забор. Егор первым вышел на воздух.

Марк остановился на пороге. Он уже понял, что обычного отказа от встречи не будет. Страх Егора был слишком конкретен: он знал, где не хочет стоять, откуда хочет выйти. Оставалось решить, насколько самому стоит участвовать в этом движении. В уголовном розыске решение чаще принималось раньше — по задаче, по информации, по составу группы. Сейчас рядом не было никого, а его полномочия заканчивались там, где человек переставал добровольно разговаривать.

— Подождите, — сказал он. — Если вам угрожают, я могу вызвать полицию. Мы не обязаны никуда уходить вдвоём.

Егор повернулся к нему и открыл рот.

Марк услышал хлопок, короткий, почти плоский. Егор дёрнулся, будто его сильно толкнули в спину, и шагнул вбок. Второй хлопок был громче, потому что Марк уже понял, что слышит. Он ухватил Егора за рукав и потянул к двери. Тот оказался неожиданно тяжёлым, ноги подломились. Вместе они упали на порог, Марк ударился левым предплечьем о торчащий край металла и на мгновение перестал чувствовать пальцы.

Через двор, мимо перевёрнутого поддона, двигался человек в серой куртке. Марк увидел нижнюю половину лица, прикрытую воротом, руку, выставленную вперёд, и светлую подошву ботинка. Он не успел рассмотреть ни глаза, ни оружие. Потянул Егора ещё раз, почти за шиворот, и захлопнул дверь ногой. По дереву или металлу снаружи ударило что-то тяжёлое. Он навалился плечом на дверь, пока свободной рукой искал задвижку.

Она заедала.

Он вспомнил это потом с такой ясностью, что несколько ночей подряд видел один и тот же рыжий стержень, который нужно было сдвинуть всего на три сантиметра. Сейчас он дёрнул его ладонью, срывая кожу о сварной шов, и стержень наконец вошёл в гнездо.

Егор лежал на боку. Из-под его руки быстро расползлось тёмное пятно. Марк опустился рядом, вытянул из кармана телефон, набрал экстренный номер и, прежде чем ответили, крикнул в открытые передние ворота:

— Помогите! Скорую, полиция! Не идите за гаражи!

Музыка продолжала играть. Где-то спросили, кто орёт. Марк назвал диспетчеру адрес кооператива, номер бокса, сказал про стрельбу и раненого. Егор пытался повернуться; Марк удерживал ткань у него под боком, пока голос в трубке уточнял состояние и объяснял, что делать до прибытия бригады. Телефон лежал на полу, и слышно было плохо.

— Не уходи, — произнёс Егор.

— Я здесь.

— Не туда...

Марк наклонился ближе, но Егор так и не договорил. Глаза оставались открытыми. Он смотрел на потолок, где на толстой проволоке висел снятый фонарь, и губы у него побелели. Марк чувствовал под ладонями тепло, слишком много тепла. Его собственная кровь стекала с рукава на бетон, но он пока не понимал, что рукав порезан.

В воротах появился лысый мастер. Увидел Егора и отступил.

— Я сказал, не с той стороны! — крикнул Марк.

— Я отсюда. Отсюда я. Что надо?

— Чистую ткань. И встретьте скорую. У въезда, чтобы сюда сразу. Скажите людям не выходить за ряд.

Мастер убежал, вернулся с полотенцами, одно всё ещё было в магазинной упаковке. Руки у него дрожали так сильно, что он не мог разорвать пластик. Марк попросил положить рядом и бежать к воротам.

Время растянулось. В нём помещались отдельные нелепые вещи: капля с крыши попала точно в жестяную банку; музыка наконец сменилась рекламой; зажигалка выпала из кармана Егора и лежала крышкой вверх. Марк знал, что нельзя отвлекаться, но всё равно заметил царапину, о которой Егор рассказывал несколько минут назад.

Потом в боксе стало много людей. Его попросили отойти, и он не сразу понял, что просьба относится к нему. Кто-то взял его за плечо. Медик коротко сказал другому, что давление не определяется; дальше Марк уже не разбирал слов. Его вывели к передним воротам, посадили на перевёрнутый ящик и разрезали рукав.

— В вас попало?

— Не знаю. Нет. О край, кажется.

— Пальцами пошевелите.

Он пошевелил. Человек, задававший вопрос, посмотрел на рану и снова что-то спросил. Марк ответил, но потом не смог вспомнить что.

За спинами полицейских он увидел свою машину. Она стояла там же, где он её оставил, целая, с нетронутыми зеркалами. Рядом никого не было. Он попытался припомнить, стоял ли возле шиномонтажа тёмный универсал, когда он приехал, и понял, что не помнит даже цвета шины над въездом.

Телефон завибрировал в здоровой руке. На экране было имя Алины.

Марк смотрел на него, пока звонок не прекратился. Через секунду она позвонила снова. Он хотел ответить, но полицейский, стоявший рядом, попросил пока ни с кем не обсуждать произошедшее. Марк сказал, что это сестра раненого, и только после этого заметил, как изменилось лицо человека в форме.

— Сейчас с вами поговорят, — ответил тот.

Из бокса больше не доносилось быстрых коротких команд. Марк услышал, как кто-то велел освободить проход, и опустил телефон на колени.

Глава 3. Чужой рукав

Рукав куртки ему вернули в прозрачном пакете. Остальная куртка осталась у следствия: на ней была кровь Егора, а на спине, как оказалось, разошёлся шов. Марк сидел в больничном коридоре в чужой спортивной кофте, которую принесла Люба, и пытался застегнуть молнию одной рукой. Левая была перебинтована от ладони почти до локтя. Пальцы слушались, кость оказалась цела, но после обработки и швов любое натяжение отзывалось в предплечье горячей полосой.

Люба отобрала молнию.

— Сиди. Ты мне сейчас весь замок вырвешь.

— Твоя?

— Мужская. Сын оставил. Если станет мала в плечах, терпи, я не собиралась тебя наряжать.

Она застегнула кофту до середины и присела рядом. Волосы у неё были мокрые, на колене плаща лежало высохшее пятно. Марк посмотрел на часы.

— Ты помещение посмотрела?

— Марк.

— Что?

— Не надо сейчас быть вежливым. Это у тебя получается хуже всего.

В конце коридора женщина в белом халате спорила с мужчиной, который хотел выйти покурить с катетером в руке. Он называл её по имени-отчеству так часто, что оно переставало звучать уважительно. Марк невольно слушал спор. Смешнее всего было то, что мужчина действительно собирался вернуться через пять минут и считал это окончательным доводом.

— Егор умер там, — сказал Марк.

— Я знаю.

— Я слышал два. Может, три. Потом по двери. Не уверен, что это был выстрел.

— Ты уже говорил с полицией?

— Коротко. Теперь приедет следователь.

Люба сняла с него мокрый пластырь, прилипший к шее. Марк не понял, откуда он взялся.

— Алине звонил?

Он покачал головой. С сестрой собирались связаться сотрудники. После звонка у гаража она больше не набирала; Марк сам несколько раз смотрел на её номер, и каждый раз ему становилось ясно, что он не умеет начинать такой разговор. Когда он работал в полиции, говорить с родственниками тоже приходилось. Разница была в том, что тогда он не стоял утром перед ними с обещанием найти живого.

Следователь Наталья Викторовна Руденко пришла ближе к вечеру. Невысокая женщина в тёмном жакете, с мягкой сумкой, из которой торчала папка. Она показала удостоверение, спросила, разрешили ли ему уйти, и предложила поговорить в небольшом кабинете, который выделили в больнице. Люба поднялась вместе с ними, но Руденко сказала, что пока нужна беседа с Марком.

— Я здесь, — сказала ему Люба. — Машину твою потом заберём.

В кабинете пахло влажной тряпкой. На подоконнике лежали два пустых цветочных горшка, один вложенный в другой. Руденко села напротив, попросила рассказать всё с момента приезда и не торопиться.

Марк начал с Алины.

— С гаражей, — мягко остановила она. — К заказу вернёмся отдельно. Сейчас то, что вы видели сегодня.

Он рассказал. О мастере в яме, о зажигалке, о вопросе Егора про оплату. На выходе во двор сбился: не мог решить, услышал ли выстрел до того, как Егор повернулся, или одновременно. В памяти это было одним движением. Руденко не требовала выбрать.

— Так и скажем: последовательность этих двух моментов не можете восстановить. Где находился человек, которого вы увидели?

Марк нарисовал на листе двор и перевёрнутый поддон. Рисовал правой рукой, но лист приходилось прижимать левой, и это мешало. Руденко положила на край папку.

— Здесь. Между поддоном и забором. Куртка серая. Лицо... нижняя часть закрыта воротом или шарфом. Не рассмотрел. Светлая подошва.

— Рост?

— Средний. Нет, не пишите. Он двигался, я был ниже. Не могу.

Она записала именно это.

Марк почувствовал благодарность, которая сразу его раздражила. Он сам когда-то сидел с такими листами и знал, насколько легко получить от потрясённого человека удобную уверенность. Сейчас ему помогали не выдумывать, и всё равно казалось, что он проваливает простое испытание.

— Вы сказали, что перед поездкой заметили машину, — напомнила Руденко. — Почему связали?

— Тёмный универсал. У офиса. Мужчина менял дворник. Я не связал, я вспомнил. Это может быть кто угодно.

— Номер?

— Не смотрел.

— Лицо?

— Седина над ухом. Большой палец поранен, красная полоска. Кажется, на правой руке. Вот за руку уже не ручаюсь.

— Можете утверждать, что во дворе был тот же водитель?

— Нет.

Она не стала возвращаться к этому сразу. Спросила об оружии, о направлении, о возможных звуках машины. Марк ничего полезного добавить не сумел. Выяснилось, что он хорошо помнит окурки в банке, детский рисунок и куски хлеба, но не то, ради чего его расспрашивали. Руденко записывала и рисунок.

Потом дошли до заказа. Он назвал Алину, дату договора, Зубова и упомянул человека, который помогал с расходами. Объяснил, что с самим благотворителем не общался.

— Вас это не заинтересовало?

— Я работал с сестрой. Документы видел, родство проверял. Перевод пришёл от неё. Частично ей дали деньги, частично она внесла сама.

— Я спросила, заинтересовало ли.

Марк замолчал. У Руденко не было обвинительного тона. От этого ответить «нет» оказалось труднее.

— Недостаточно, — сказал он наконец. — Я счёл это помощью через знакомого посредника. Раньше были такие обращения.

Она подняла глаза.

— Какие?

Он перечислил три дела. Одно о человеке, уехавшем работать и не сообщившем семье. Другое — Бурлак, бывшая жена искала его из-за имущества и долгов. Третье оставалось незавершённым: Полина Сорокина пыталась найти мать. Он не успел отработать все адреса и поручил Любе поговорить с одной знакомой пропавшей.

Руденко попросила не связываться с посредником по поводу произошедшего до согласования и сохранить всю переписку. Договоры и материалы нужно было передать. Марк кивнул слишком быстро; она заметила.

— Вы понимаете, о чём я прошу? Не просто скриншоты, которые кажутся важными. Всё по этим обращениям. Ничего не подчищать для удобства.

— Я понимаю.

— Хорошо. И ещё: если вспомните что-то позже, говорите, что вспомнили позже. Не надо исправлять сегодняшний рассказ так, будто сразу знали.

Это было профессиональное замечание, а он услышал в нём предупреждение человеку, который уже готов был улучшить собственную память. Он действительно пытался: пока она записывала, в уме возвращался к водителю универсала и всё увереннее видел серую куртку, хотя утром видел только его плечо и руку.

Когда они закончили, в коридоре стало тише. Мужчину с катетером куда-то увели. Люба разговаривала по телефону у окна; увидев Марка, сказала собеседнику, что перезвонит, и убрала аппарат.

— Домой?

— Сначала в офис. Документы собрать.

— Я соберу.

— Ты не знаешь, где...

— У тебя всё в трёх местах. Если найдётся четвёртое, я буду счастлива.

Руденко задержалась у двери и ответила на звонок. Марк не слушал слов, но видел, как она перестала перебирать ремешок сумки. Разговор был коротким. Закончив, она повернулась к нему.

— Марк Андреевич, телефон не выключайте. Сегодня ещё свяжемся.

— Алина?

— С ней сейчас работают сотрудники.

— Что значит работают? Она знает?

Руденко посмотрела на Любу, потом снова на него.

— Её обнаружили дома без признаков жизни. Обстоятельства устанавливаются.

Марк не сразу понял, кого именно. Она могла говорить о матери Полины, о другой женщине из его дел, о ком угодно, только не о человеке, который утром сидел напротив с пластырем на пальце. Он спросил:

— Шатрову?

Руденко кивнула.

Люба взяла его под здоровую руку. Он машинально высвободился, потому что не падал. Ноги стояли ровно, пол не качался, всё вокруг сохраняло свои места. Только за дверью кабинета лежала папка с рассказом об одном погибшем человеке, а теперь их стало двое.

— Она мне звонила, — сказал он. — Два раза. Когда я уже сидел у бокса.

— Это будет проверено.

— Я не ответил.

— Вы сами были ранены. Не делайте сейчас выводов из того, чего ещё не знаете.

Он понимал, что она права, и злился, потому что это ничего не меняло. В голове звучал голос Алины, объяснявшей напарнице, какой осветлитель взять из ящика. Она опаздывала на работу. Она собиралась принять клиентку. Потом позвонить ему и узнать, нашёл ли он брата.

По дороге домой Люба молчала. В машине пахло яблоками: в ногах у пассажира стоял пакет, который она собиралась отвезти сыну. Марк держал его здоровой рукой, чтобы на поворотах ничего не раскатилось. Каждый раз, когда они тормозили, одно яблоко толкалось ему в пальцы через тонкую плёнку.

У его дома Люба заглушила двигатель.

— Я поднимусь.

— Не надо. Я не маленький.

— Как раз маленьким можно сказать лечь спать. Ты начнёшь звонить всем подряд.

— Мне надо...

— Тебе надо поесть. Потом передать документы. Именно в таком порядке, иначе я сейчас поеду обратно и оставлю тебя здесь с этими замечательными взрослыми решениями.

Она говорила сердито, длинно, знакомо. Марк наконец почувствовал, что замёрз. Он вышел из машины, прижимая пакет с яблоками к животу, и только у подъезда понял, что так и несёт чужие продукты к себе домой.

Люба не стала их отнимать.

Глава 4. Список завершённых дел

Дома оказалось слишком тепло. Марк не помнил, что утром оставил батарею открытой на полную мощность; воздух был сухой, занавеска едва заметно шевелилась над подоконником. Люба пошла на кухню, не спрашивая разрешения. Он услышал, как открывается холодильник, потом последовала пауза, в которой было достаточно презрения для целого разговора.

— У тебя яйца старше моего первого брака.

— Купил в воскресенье.

— А выглядишь так, будто они тебя содержат.

Она поставила сковороду. Марк сел за стол, положил перед собой телефон и посмотрел на засохшую кровь в углублении возле кнопки. До этого момента устройство казалось обычной вещью, которая пережила всё вместе с ним и продолжала работать. Теперь его затошнило. Он отвернулся, встал слишком быстро и дошёл до раковины.

Люба выключила огонь. Подождала, пока он умоется, протянула полотенце и ничего не сказала. За её молчание Марк был благодарен больше, чем за еду. Ему не хотелось, чтобы увиденное сегодня окончательно превратило его в человека, которого нужно поддерживать под локоть.

Когда они сели есть, позвонил Зубов. На экране появилась фотография круглого лица в солнечных очках. Игорь однажды сам поставил её в общей переписке после отпуска и с тех пор так и остался человеком на пляже, даже когда обсуждал исполнение договоров и просроченные счета.

Марк дождался, пока звонок закончится.

— Ты ему сказал? — спросила Люба.

— Нет. Руденко просила пока не обсуждать.

— Значит, от кого-то узнал.

— Может, просто звонит.

Через несколько секунд пришло сообщение: «Марк, про гаражи правда? Ты цел? Набери».

Марк переслал его Руденко. Следователь ответила не сразу. За это время он съел половину омлета и выпил воды, стараясь не смотреть на телефон. Люба рассказала о помещении: потолок оказался крепче, чем она ожидала, зато хозяин хотел год вперёд и не собирался чинить входную дверь. Ей пришлось напомнить о собственном инструменте и дорогой технике, на что хозяин предложил повесить хороший замок за её счёт.

— Я ему сказала, что хороший замок не держится на честном слове. Он обиделся. Сказал, все теперь слишком много хотят. Между прочим, на стене у него четыре вида плесени, но это, видимо, арендаторы должны ценить как разнообразие.

Марк слушал и постепенно начал различать вкус еды. Люба не пыталась отвлечь его рассказом о чём-нибудь прекрасном. Её действительно раздражал хозяин, и она хотела выговориться. Это делало вечер переносимее.

Руденко разрешила сообщить Зубову, что Марк жив, и попросила сохранить переписку. Детали обсуждать не следовало. Марк написал одну строку. Зубов немедленно предложил приехать, потом прислал номер знакомого врача. На этом разговор закончился.

После еды Люба достала из сумки ноутбук. Она забрала его в офисе вместе с договорами, пока Марка осматривали, и теперь разложила бумаги на кухонном столе. Список завершённых дел оказался коротким. Марк давно не брал всё подряд; хватало заработка, если не считать неудачного ремонта машины и денег, которые он одолжил брату весной. На экране было девять фамилий за полгода. Он помнил их лучше, чем даты собственных отпусков.

— Смотри по источнику, — сказала Люба. — Не по тому, чем закончилось.

— Я и смотрю.

— Ты уже третий раз открыл удачное.

Речь шла о мужчине, которого Марк по просьбе жены нашёл после долгого отсутствия. Он лежал в больнице в другом регионе, документы восстанавливали медленно, отношения с родными были сложные. История закончилась обыкновенным телефонным разговором. Марк любил её, потому что сделал всё правильно и никто потом не умер. Сейчас это казалось подозрительно удобным воспоминанием.

Он закрыл папку и открыл дело Бурлака.

Сергей Олегович Бурлак, сорок семь лет. Бывшая жена Нелли искала его для разговора об автомобиле, оформленном на неё, и о долге, который он обещал вернуть после продажи оборудования. Поиск длился восемь дней. Марк нашёл его на Бору, на территории небольшой ремонтной базы. Бурлак сначала разговаривать не хотел, потом согласился получить письмо от Нелли. Адрес ей передали с его ведома. В тот же вечер она написала, что отправила письмо с курьером. Дело было закрыто.

— Она потом ещё обращалась? — спросила Люба.

— Нет.

— Зубов?

— Спрашивал, доволен ли клиент.

Она ждала. Марк открыл переписку. Сообщения за август шли вперемешку с чужими адресами и короткими просьбами перезвонить. Зубов тогда болел, жаловался на температуру, присылал смешную фотографию термометра рядом с чашкой. Между этими сообщениями Марк нашёл своё: снимок Бурлака у ворот и фразу «Нашёл. Можно закрывать». Под снимком стояла отметка отправленной геопозиции.

Люба посмотрела на экран.

— А Нелли знала, что ты отправишь это Зубову?

— Он помогал с договором.

— Я спросила не это.

Марк вспомнил, как отправлял сообщение. Сидел в машине у базы, торопился обратно, потому что обещал встретить племянницу на вокзале. Зубов спрашивал о результате, нужно было подтвердить выполненную работу, чтобы закрыть расчёт за консультацию. Геопозиция осталась в буфере после сообщения для Нелли; он отправил её почти не задумываясь. Всё выглядело частью одного дела, одного круга людей.

— Прямого разрешения не было, — сказал он.

Люба отодвинулась от стола.

— Это Руденко надо увидеть.

— Увидит.

— Сейчас.

— Я сказал, увидит.

Он произнёс это слишком резко. Люба посмотрела на бинт, потом на его лицо, но поблажки не сделала.

— Я не знаю, имеет ли это отношение к сегодняшнему. Может, никакого. Но если ты начнёшь выбирать, что показывать, я не останусь здесь помогать.

Марк хотел возразить, что ничего не выбирает. Вместо этого выгрузил переписку вместе с вложениями, проверил, попали ли туда нужные сообщения, и написал следователю, что нашёл важное дополнение о передаче результатов посреднику. Руденко ответила, что завтра скажет, как сдать материалы. Марк отодвинул телефон к пустой тарелке.

— Довольна?

— Нет.

Они долго сидели молча. За стеной сосед включил телевизор; голос диктора рассказывал о погоде, и Марк услышал, что ночью станет холоднее. Ему захотелось встать, закрыть батарею, заняться хоть чем-нибудь, что можно исправить поворотом ручки.

В дверь позвонили. Оказался курьер с пакетом, который заказала Люба: нормальная еда на завтра, несколько бутылок воды, хлеб. Марк попытался заплатить ей, но она сказала, что пришлёт чек вместе со счётом за своё время. Он обрадовался этой угрозе почти как шутке.

Когда Люба ушла, было уже одиннадцать. Он сел на край кровати, не раздеваясь, и снова открыл фотографию Бурлака. Невысокий мужчина с тяжёлыми веками стоял у зелёных ворот, держа на плече короткую доску. В момент съёмки он что-то говорил, рот был приоткрыт. Марк вспомнил слова: «Она всё равно не успокоится, пока я не сдохну». Он тогда подумал, что люди удивительно одинаково говорят о бывших супругах.

Теперь фраза приобрела другой вес, и он заставил себя остановиться. Бурлак мог быть жив. Ничего обратного Марк не знал. Сегодняшний ужас ещё не давал права заселять им все прежние дела.

Звонить Нелли было поздно. Марк нашёл её страницу, увидел последнее обновление и замер.

На фотографии Бурлак был в той же рабочей куртке, только улыбался. Под снимком стояли даты. Нижняя — двадцать седьмое августа этого года.

Марк открыл свой календарь. Он передал адрес двадцать пятого.

Некоторое время он сидел, положив здоровую ладонь на телефон. Ему казалось, что если не смотреть на экран, два числа перестанут стоять рядом. Потом он убрал руку, сохранил страницу с датой и позвонил Руденко, хотя было поздно.

Она ответила после нескольких гудков.

— Говорите.

Марк назвал фамилию. В этот раз не начал с оправданий.

Глава 5. Письмо, которое дошло

Нелли Бурлак работала в магазине тканей и предложила встретиться до открытия. Марк приехал раньше, чем следовало, и стоял у закрытой двери, глядя на манекен в платье из ярко-синего бархата. Платье было приколото булавками, со спины свисала полоса необработанной ткани. На расстоянии оно выглядело праздничным, вблизи — незавершённым и неудобным.

Нелли подошла с двумя сумками. Узнала его, посмотрела на бинт, но ничего не спросила. Пока открывала замок, он предложил взять одну сумку.

— Там рулоны. Вам не надо.

— Я правой могу.

— Я тоже могу. Отойдите от двери, она наружу.

В августе она показалась ему суровой и жадной женщиной. Теперь он не был уверен даже в этом. Она действительно считала каждую потраченную сумму, несколько раз спрашивала, нельзя ли обойтись без лишней поездки, а после завершения розыска попросила подробный отчёт о расходах. Марк тогда внутренне морщился. Сейчас видел, как она поднимает тяжёлый рулон на прилавок, и понимал, чем для неё были его чеки за бензин.

Нелли включила свет, сняла куртку и осталась в старом свитере с вытянутыми манжетами. Под глазами были отёки.

— Вы про Сергея?

— Да. Я узнал вчера. Мне очень жаль.

— Два месяца прошло.

— Почти два. Я не знал.

— Я вам должна была сообщить?

Марк покачал головой. Она провела ладонью по рулону, приглаживая ворс.

— Он упал. Так мне сказали. У себя на базе. Что-то доставал сверху, со стеллажа или с площадки, я не поняла. Там всё кривое, лестницы эти, железо. Я ему сто раз говорила, чтобы не лез один. Но меня тогда уже никто не спрашивал, что говорить.

— Вы туда приезжали?

— После. Забрать вещи. А что?

Марк объяснил ровно столько, сколько мог: по другому его обращению произошло преступление, следствие проверяет возможные связи. Её могут попросить рассказать о Сергее и обстоятельствах поиска. Нелли села на высокий стул за кассой.

— Вы хотите сказать, это из-за меня?

— Нет.

— Я его искала. Вы нашли. Через два дня он умер. Вы сами мне сейчас это говорите.

— Я говорю, что появилась причина проверить. Что произошло на самом деле, я не знаю.

Она посмотрела на дверь. Марк мог бы добавить, что решение искать бывшего мужа не делало её виновной в чужом поступке, но пока это звучало бы слишком легко. Он сам всю ночь пытался поверить в похожее объяснение и не поверил.

— Письмо дошло? — спросил он.

— Дошло. Он мне звонил.

— Когда?

Нелли достала телефон, долго искала, раздражаясь на обновившееся меню. Он предложил помочь, она отказалась. Наконец повернула экран.

— Вот. Двадцать шестого. Восемь вечера.

— О чём говорили?

— О машине. И о том, что я ему испортила настроение. Сначала об этом, потом о машине. Сказал, чтобы не приезжала на базу. Он сам всё привезёт в субботу. Я не поверила, потому что он уже три года собирался что-нибудь привезти в субботу.

Она усмехнулась и сразу отвернулась к кассе.

— А в четверг мне позвонили другие люди.

Марк спросил о Зубове. Нелли вспомнила его без затруднений: вежливый мужчина, нашёл телефон через знакомую по работе, предложил помочь с поиском. Часть расходов на детектива можно было покрыть, если Сергей раньше работал с определёнными людьми. Нелли решила, что речь о старом долге фирмы перед мужем. Она не привыкла отказываться от денег, которые кто-то уже обещал вернуть.

— Кто эти люди?

— Я фамилию не запомнила. Зубов сказал: дело давнее, будут разбираться. Мне-то что? Я Сергею передала, когда он звонил.

— И как он отреагировал?

Нелли нахмурилась. На улице загремела тележка; мимо витрины прошёл грузчик, толкая коробки к соседнему входу.

— Спросил, кто ещё знает адрес. Я сказала: только вы, вы же искали. Он начал орать. Что мне нельзя ничего доверять, что я опять полезла. Я бросила трубку. Потом он написал, что сам разберётся.

— Сообщение сохранилось?

Она нашла переписку и прочитала вслух: «Сиди ровно. Машину получишь. Я знаю, с кем говорить».

Марк попросил сохранить её и показать следователю. Нелли кивнула, но смотрела на него так, будто он уже был частью той последней ссоры.

— Я ведь не только из-за машины, — сказала она. — Хотела увидеть. У меня в письме было про крышу на даче. Он раньше сам делал. Я написала: найду рабочих, но посмотри хотя бы, что они насчитали. Думала, приедет, будет ругаться, что всё дорого. Он любил, когда без него не могут.

Она замолчала, подбирая край манжеты. Марк ждал.

— А я написала так, будто мне только деньги нужны. Чтобы не вообразил. Понимаете?

— Понимаю.

— Не знаете вы ничего. В августе думали, что я его достала. У вас на лице было видно.

Марк почувствовал, как горят уши. Ему хотелось сказать, что она ошибается, но это было бы ещё одной ложью поверх уже сделанного. Он ответил:

— Да. Думал. Простите.

Нелли не ожидала согласия. Она посмотрела на него, потом на бинт, и раздражение сменилось усталостью.

— Чаю хотите? У меня только пакетики.

Он согласился. Пока закипал чайник, она принесла из подсобки коробку с вещами Сергея. Не всё, только то, что собиралась отдать знакомому мастеру: старый планшет, блокнот с номерами деталей, фонарик, несколько связок ключей. Марк не стал трогать содержимое. Попросил пока ничего не отдавать и рассказал, кому сообщить о вещах. Нелли убрала коробку обратно, недовольно ворча, что опять всё займёт место.

Перед открытием пришла её коллега. Увидела посетителя и бинт, но Нелли сказала, что это по старому делу, и попросила сначала разобрать поставку. Коллега ушла в подсобку. Марк допил чай и встал.

— Сергей про человека по фамилии Белозёров говорил? — спросил он, вспомнив имя из старых записей о работе Бурлака. Оно было в анкете Нелли, которую он перечитал утром.

— Конечно. Он у него раньше работал. У них там беда была. Похищение какое-то. Сергей после этого совсем другой стал. Я думала, испугался, что тоже заберут.

— А Бушуев?

Эта фамилия стояла рядом в той же анкете — второй владелец предприятия. Тогда Марк использовал обе как рабочие адреса, а не как историю.

— Сергей Сергеевич? Он мне на похороны дал денег. Через человека. Я ещё удивилась: столько лет не виделись.

— Через Зубова?

— Не знаю. Привёз водитель. Сказал от Сергея Сергеевича. Там хватило закрыть всё, что я занимала. Я расписку написала, он сказал не нужно, но я всё равно написала. Не люблю потом помнить по-разному.

Она достала из ящика маленький блокнот, нашла дату и показала сумму. Марк записал с её разрешения. Не было ничего невозможного в том, что бывший работодатель помог семье умершего сотрудника. Ни на что большее эта запись пока не указывала.

На улице дождь прекратился. Марк стоял у входа и диктовал Руденко краткое сообщение: встреча с Нелли, сохранённые вещи, последний звонок, предложение помощи через посредника, прежняя работа Бурлака у Белозёрова и Бушуева. Следовательно перезвонила через десять минут.

— Материалы по его смерти запрашиваются. Сегодня передадите свои документы. И не надо ездить по этим людям в одиночку.

— Я приехал к бывшему клиенту.

— Сегодня это уже не только ваш бывший клиент.

Он не стал спорить. Слишком хорошо знал интонацию человека, у которого одновременно несколько срочных дел и один добровольный помощник с собственными представлениями о порядке.

Пока он разговаривал, возле магазина остановилась машина. Из неё вышел мужчина в красной ветровке и вошёл к Нелли. Марк увидел его в отражении витрины, дождался, пока тот достанет рулетку и начнёт измерять проём для жалюзи, и только тогда вызвал такси.

Такси всё не приезжало. Мужчина в красной ветровке приложил рулетку к другому косяку, и Марк поймал себя на том, что снова следит за ним. Отвернулся к дороге.

В такси Марк положил пакет с документами на колени и перелистал верхнюю папку. После Бурлака шла Алина, после Алины — Полина Сорокина. В её заказе была фотография матери: Влада стояла у окна с большой чашкой, похожей на супницу, и смеялась, запрокинув голову. Снимок был сделан весной. На обороте Полина написала: «Мама не любит эту фотографию, но здесь больше похожа».

Марк набрал её номер. Она ответила сразу, словно ждала, держа телефон в руке.

— Нашли?

Он закрыл глаза. Всего одно слово, и каждый раз оно требовало от него больше, чем предыдущий вопрос.

— Пока нет. Нам нужно встретиться. Сегодня.

Глава 6. Кого ждут дома

Полина приехала из Дзержинска в Нижний Новгород с папкой детских рисунков. Она прижимала её к груди, пока поднималась по лестнице, и остановилась перед Марком, словно собиралась сдавать экзамен. Куртка была расстёгнута, из рукава торчала нитка, на щеке виднелась тонкая полоска зелёной краски.

— Я не знала, куда их деть. В студии сегодня подменяют, а рисунки надо было везти на выставку. Можно здесь положить?

Он освободил стул. Полина поставила папку аккуратно, проверила, не упирается ли угол в стену, и только потом посмотрела на его руку.

— Вы поэтому отменили вчера?

— Да. Садитесь.

Она села, не снимая куртки. На улице похолодало, но в кабинете было душно. Марк открыл форточку и снова пожалел, что у него нет подходящего начала для таких разговоров. Лучше всего выходило сообщать, что работа закончена и дальше люди могут договориться сами. Остальное он годами откладывал на кого-нибудь более терпеливого.

— Полина, по двум обращениям, которые я вёл, произошли тяжёлые события. Люди погибли. Полиция проверяет обстоятельства, в том числе возможную связь с поиском. Я передал сведения о вашем заказе, потому что не могу исключить опасность для вашей матери.

Она слушала неподвижно. Потом спросила:

— Вы её кому-нибудь уже нашли?

Он не сразу понял формулировку.

— Нет. Я не знаю, где она сейчас.

— Но адреса кому-то говорили?

— Старые адреса из наших материалов будут у следствия. Имена людей, с которыми разговаривали. Посторонним ваш отчёт я не передавал.

Это было правдой. Дело ещё не дошло до той удобной точки, в которой хотелось написать посреднику «можно закрывать». Марк почувствовал облегчение и тут же устыдился его.

Полина расстегнула молнию куртки до конца. Под ней был свитер с маленькими цветными пятнами, оставшимися после стирки.

— Я не понимаю. Мама не преступница. Она обивала сиденья, потом работала у женщины, которая шила шторы. Как это связано?

— Пока не знаю. Мне нужно уточнить, как вы нашли Зубова.

— Через знакомых папы.

— Кого именно?

— Бушуева. Сергея Сергеевича. Он раньше с папой работал. Я написала ему, когда мама перестала нормально отвечать. Он посоветовал обратиться к Игорю и сказал, что поможет с деньгами. Не надо было?

— Не знаю пока, Полина. Кто предложил помощь первым — вот что мне нужно.

Она откинулась на спинку стула и посмотрела на папку с рисунками. Похоже, только теперь её настиг смысл разговора. Марк видел, как она пытается заново соединить доброго взрослого знакомого, оплатившего помощь, пропавшую мать и бинт на руке человека, которого сама наняла. Между этими вещами ещё не было понятного моста.

— Папа погиб шесть лет назад, — сказала она. — Вы помните?

— Вы рассказывали. При передаче денег за похищенного человека.

— За Вадима. Белозёрова. Папа с ним с молодости, ещё машины вместе перегоняли. Мама потом перестала с ними общаться. Я — нет. Не понимаю, почему я должна была ненавидеть человека, которого держали взаперти. Он ведь не просил, чтобы папа погиб.

— А Бушуев?

— Помогал. Похороны, документы. Потом с мамой они поссорились. Я до сих пор не знаю, из-за чего. Она говорит: взрослые дела. Мне уже двадцать три, а там всё ещё взрослые дела.

В её голосе появилась злость, и Марку стало легче говорить. Злость указывала на что-то конкретное, с чем можно было работать. Страх пока делал всё одинаковым.

— В августе у матери случилось что-то необычное?

— Она спросила, помню ли я человека по фамилии Лыткин. Я не помнила. Потом стала ругаться, что я слишком много выкладываю. В смысле фотографии. Работу, где бываю, кто со мной. Но я не выкладываю мамин адрес. У неё вообще страницы нет.

— Она объяснила, кто Лыткин?

— Сказала, нехороший человек. Вы понимаете, как это звучит? Я всю жизнь слышу про нехороших людей. В детстве думала, они какого-то отдельного цвета.

Марк записал фамилию. Не узнал её, но почувствовал, как Полина заметила движение ручки. Человек, которого мать называла нехорошим, впервые попал в чужую серьёзную запись.

— Она говорила, что он ей угрожает?

— Нет. Сказала, если увидит возле меня, убьёт. Я решила, опять преувеличивает. Мама... Она раньше вообще другая была. Очень смешная. Могла в магазине спорить из-за ерунды, а потом сама над собой смеяться. После папы стала всё делать правильно. Заранее покупать. Заранее звонить. Заранее знать, когда я вернусь. Я съехала не потому, что её не люблю.

— Вам не нужно передо мной оправдываться.

— Все так говорят, а потом спрашивают, почему дочь не знала, куда уехала мать.

Она отвернулась к окну. Марк вспомнил, как утром Нелли точно назвала то, что он думал о ней в августе. Профессиональная привычка оценивать чужие связи быстро и удобно теперь возвращалась к нему по очереди из каждой папки.

Полина показала переписку. Сообщения Влады становились всё короче: сначала объяснения о временной работе, потом «всё нормально», «не звони сейчас», «позже». Последний ответ пришёл три дня назад. Мать просила не обращаться к людям отца и обещала сама всё уладить. На вопрос, что именно, не ответила.

— Это вы мне не показывали, — сказал Марк.

— Три дня назад. Я вам отправила. Вы поставили сердечко.

Он открыл их разговор. Сообщение действительно было, а под ним стояла реакция, которую он использовал вместо слова «получено». Марк помнил, что увидел его между двумя звонками и решил вернуться вечером. Не вернулся.

— Да, — сказал он. — Простите. Я пропустил смысл.

Полина убрала телефон.

— Я уже заплатила. Не надо сейчас говорить так, будто вы из вежливости.

— Я говорю не из вежливости.

Дверь открылась, вошла Люба с чайником. Увидела Полину, остановилась и спросила, можно ли налить чаю. Девушка кивнула. Пока Люба ставила чашки, Марк коротко представил её и объяснил, что они работают вместе по поиску Влады. Полина спросила, была ли она у женщины, которая шила шторы.

— Была. Вчера утром. Ваша мама забрала расчёт в конце сентября. Сказала, что нужно к родственнице. Хозяйка дала мне номер, с которого та потом звонила насчёт оставленного инструмента. Номер уже не отвечал. Я передала Марку.

— У нас нет такой родственницы.

— Я поняла. Поэтому и не стала искать её по всей стране. Мы проверяем людей, с которыми она могла договориться о временной работе.

Полина держала чашку, но не пила. Люба присела на подоконник и стала расспрашивать о навыках Влады: с какими материалами работала, каких мастеров знала, к кому обращалась за тяжёлым инструментом. Вопросы не звучали как попытка разобрать семейную жизнь, и девушка отвечала охотнее. Вспомнила Анатолия, хозяина небольшой мастерской на Бору, которому мать иногда помогала перетягивать автомобильные сиденья. Фамилию не знала, зато нашла фотографию старого кресла и переписку, где мать обсуждала ткань.

— Я съезжу, — сказала Люба, глядя на Марка. — После того как согласуем с Натальей. Тебе туда сегодня точно не надо.

— Почему? — спросила Полина.

— Потому что ему вчера руку зашили. А он сегодня даже чашку старается поднять этой рукой, как будто мы не видим.

Марк хотел возразить, но Полина неожиданно улыбнулась. Люба заметила и продолжила обсуждать мастерскую, словно ничего особенного не случилось.

Перед уходом девушка достала один рисунок. Маленькая девочка изобразила дом с четырьмя дымовыми трубами; из каждой шёл дым разного цвета.

— Вот это я вчера должна была поправить. Она сама попросила: неправильно, у нас одна труба. А я не стала. Теперь думаю, надо было хотя бы спросить, чего она хочет вместо этого. Я просто решила за неё, что так красивее.

Она убрала рисунок в папку. Марк не нашёл подходящего ответа, а Полина уже застёгивала куртку. Она взяла у него номер Руденко и обещала сообщать о каждом новом контакте матери.

У лестницы Полина остановилась.

— Если найдёте, не говорите ей сразу, что я испугалась. Она на этом поймает. Начнёт меня успокаивать, и мы опять не поговорим.

— Что тогда передать?

— Что у меня в субботу выставка. Я хочу, чтобы она пришла. Просто посмотреть, как я работаю.

После её ухода Люба поставила пустые чашки в раковину.

— Не надо ехать за ней, — сказала она.

— Я не собирался.

— До стола дойди сначала. Шатаешься же.

Марк убрал папку Полины в сумку к остальным документам. Список дел остался лежать на столе; напротив её фамилии он так ничего и не написал.

Глава 7. По другую сторону реки

Любовь терпеть не могла ездить на Бор по чужому срочному делу. Сама дорога её устраивала: можно было слушать музыку, смотреть, как меняется свет над рекой, и не отвечать хотя бы некоторое время на сообщения. Не устраивало слово «срочно», которое обыкновенно означало, что кто-то поздно подумал и теперь хотел занять её день целиком.

Сегодня спешка имела основание, и это раздражало ещё сильнее. Она отвезла Марка к Руденко и передала свою часть записей. Договорились, что Любовь поговорит с Анатолием и сразу сообщит, если узнает, где Влада. Марк остался у следователя, а Любовь поехала на Бор.

Анатолий встретил её возле мастерской с банкой шпатлёвки. Рукава толстовки были закатаны, на предплечье виднелась выцветшая татуировка — то ли птица, то ли самолёт. Он посмотрел на визитку и спросил, не из налоговой ли она.

— На визитке написано.

— Мало ли что написано. Мне однажды написали «партнёр», потом месяц дверь меняли. Она объяснила, кого ищет. Анатолий выслушал и поставил банку на землю.

— С Владой что?

— Дочь давно не может с ней нормально поговорить. Мы помогаем найти. Вы с ней недавно общались?

Он пригласил её внутрь, оставив ворота открытыми. В помещении было тесно от сидений, рулонов ткани и автомобильных дверей. В углу стоял большой стол, на котором можно было разложить выкройку; сейчас его занимал наполовину разобранный диван.

— Неделю назад заходила. Работу спрашивала. Я сказал, возьми вот эти два салона, клиенты ещё летом договорились. Она не взяла. Ей на пару дней надо было, а тут надолго. Сказала, может, позже.

— Где остановилась?

— Не спрашивал. Она взрослая женщина. У меня не паспортный стол.

— Я тоже не предлагаю вам им стать. С кем ещё она могла работать?

Анатолий перечислил несколько знакомых и сам предложил позвонить одному. Любовь попросила пока не распространять сведения о поиске без необходимости. Он нахмурился.

— Если её кто обидел, говорите сразу. А то вы так вокруг ходите, будто я должен сам догадаться.

Она сказала, что есть основания для осторожности и вопросом занимается следствие. Анатолий посмотрел на улицу, потом прикрыл одну створку ворот, оставив другую открытой. Это простое движение показалось ей правильнее всех заверений.

— Она про мужа опять спрашивала, — сказал он. — Мы с Мишкой знакомы были. Давно. Она хотела узнать, не осталось ли у меня фотографий с тех времён. Я сказал, всё, что было, отдавал. После похорон.

— Каких фотографий?

— Рабочих. Машины, поездки. Мы ведь раньше всё снимали, чтобы клиенту показать: вот салон до, вот после. Мишка иногда людей привозил. У него знакомых было больше, чем у меня отвёрток. Она искала, где один человек в кадр попал. Не мужа.

— Фамилию называла?

— Диму. Дальше не помню. Широкий такой, стрижётся коротко. Раньше при Белозёрове вертелся.

Любовь не подсказала фамилию. Попросила описать человека и записала то, что Анатолий действительно вспомнил. Он устал от вопросов быстро и стал отвечать, продолжая работать: показывал старую фотографию на телефоне, потом тут же спрашивал, отличается ли на двух кусках оттенков серого.

— На правом теплее, — сказала она.

— Вот! А клиент говорит, одно и то же. Я ему вчера полчаса объяснял. Он: вы меня разводите. Да я бы рад развести, только у меня теперь две разные двери получатся.

Любовь присела возле стола. Анатолий нашёл папку с фотографиями, но нужного человека там не было. На одном снимке Влада стояла у ворот в рабочем фартуке, держа обеими руками велосипедное седло. Рядом смеялся Михаил. Живой, не торжественный, с неудачно подстриженными усами. Любовь задержала взгляд.

— Можно сохранить? Спросим дочь, есть ли у неё.

Анатолий разрешил. Потом вдруг сказал:

— Она тоже смеялась. Влада. Когда приходила на прошлой неделе. Вы не думайте, что тут всё время ходит чёрная. Села, чай выпила, меня отругала, что потолок не утеплил. Я ей сказал, найду миллион — утеплю. Она сказала, да тебе и миллиона мало, ты сначала новую музыку в машине купишь.

Любовь спросила, не оставила ли она вещей. Ничего, кроме небольшого набора инструментов, который и раньше хранился здесь. Анатолий показал ящик, не предлагая перерыть содержимое. Любовь не стала. Попросила передать Владе, если та свяжется, что Полина ждёт разговора и не просит немедленно возвращаться домой. Отдельно дала номер Руденко.

— Мой тоже оставьте, — сказал Анатолий. — Я могу ей сказать, если вы сами не дозвонитесь.

Она кивнула.

На обратном пути Любовь остановилась у небольшого магазина и купила себе кофе, который оказался почти прозрачным. Стояла возле машины, глядя на бумажный стакан, и думала, что Марк в такой ситуации непременно пошёл бы спорить. Ему нравилось устанавливать, кто что обещал и где именно не выполнил. Она же давно научилась выбирать, за какие тридцать секунд жизни стоит бороться.

Телефон зазвонил. Незнакомый номер.

— Вы ко мне приходили? — спросила женщина.

Голос был ниже, чем Любовь ожидала. Без приветствия, без попытки сначала узнать, с кем говорит.

— Если это Влада, то я была у Анатолия. Он вам сообщил?

— Вы зачем дочь пугаете?

— Она уже испугана. Я с ней разговаривала, она не знает, где вы.

— Пусть занимается своей работой. Я написала, что всё нормально.

— Вы можете сказать ей это голосом. Сейчас. Она ждёт.

— Не учите меня, что ей говорить.

Любовь поставила стакан на крышу машины. Женщина на другом конце дышала неровно, словно шла быстрым шагом. Где-то рядом с ней гудел двигатель.

— Хорошо, — сказала Любовь. — Я не буду. Но мы ищем по её просьбе. Если вы не хотите сообщать адрес, это отдельный вопрос. Нам важно понять, живы ли вы, в безопасности ли, можете ли разговаривать свободно.

— А вы умеете делать что-нибудь без отчёта? Просто сказать ей, что слышали меня.

— Да. Только скажите что-то, что она сможет узнать. И лучше разрешите ей самой вам позвонить.

Влада назвала кличку старой кошки, потом неожиданно рассердилась:

— Как будто это доказательство. Она везде её фотографии выкладывала. Вы же это должны понимать.

Любовь почти улыбнулась.

— Понимаю. Поэтому и предлагаю нормальный разговор.

Некоторое время слышен был только двигатель. Потом Влада сказала:

— Я позвоню вечером. И не надо сюда больше приезжать. Толе работать надо.

— Вы у него?

Связь оборвалась.

Любовь сообщила Руденко о звонке, а Полине написала: «Она обещала позвонить вечером. Я слышала её впервые, могу только передать слова». Затем набрала Марка. Он слушал молча, спросил о фоне и о том, насколько долго длился разговор. Любовь ответила, что запись не вела, но сделала заметку сразу после, пока помнила.

— Ты сейчас куда?

— Обратно. Потом у меня свои дела.

— Давай я...

— Не надо приезжать меня встречать. Вечером созвонимся.

Она убрала телефон, сняла с крыши стакан и увидела через дорогу мужчину возле серого фургона. Он махнул ей рукой. Любовь застыла. Мужчина махнул ещё раз, уже нетерпеливо, и мимо её машины прошёл грузчик с пустой тележкой. Вместе они принялись выгружать коробки.

Кофе она допить не смогла. Вылила в урну, промахнулась и вытерла липкую ладонь салфеткой. На мосту включила музыку, но убавила звук: хотелось слышать, если снова позвонит Влада.

Вечером Полина написала, что мать позвонила. Две минуты. Сказала, что здорова, работает, домой пока не вернётся. Когда дочь спросила о выставке, ответила: «У тебя всё получится». Полина объяснила, что не об этом спрашивала. Мать повторила ту же фразу и закончила разговор.

Любовь перечитала сообщение на пороге помещения, которое собиралась арендовать. Хозяин ждал внутри, держа новый ключ и готовую улыбку. Он уже согласился починить дверь — если она внесёт задаток сегодня.

Она убрала телефон, вошла и попросила включить свет во всех комнатах. Ей нужно было хотя бы одно решение принять не из страха и не потому, что кто-то торопил.

Глава 8. Человек, который вернулся

Белозёров назначил встречу в кафе возле своего офиса и сразу предупредил, что больше получаса у него нет. Марк согласовал разговор с Руденко и взял с собой Любу. Та взяла в дорогу договор мастерской: хозяин наконец прислал его, и ей предстояло вычеркнуть то, что он щедро обещал исправить устно.

Вадим оказался сухощавым человеком с короткой бородой и внимательными, неприятно светлыми глазами. Он ждал за столиком у стены. Перед ним стоял нетронутый эспрессо и лежал телефон, который он перевернул, когда они подошли.

— Ремизов? Знаю. Игорь говорил.

Марк представил Любу. Белозёров кивнул ей с той деловой вежливостью, в которой ещё не было ни интереса, ни пренебрежения, и предложил заказать что-нибудь. Сам попросил воды комнатной температуры.

— Про Шатрова уже слышал. Про его сестру тоже. Сочувствую. Вы давно его искали?

— Неделю.

— Быстро.

— Вы знали, что его ищут?

Белозёров посмотрел на Марка внимательнее.

— Я знал, что сестра хочет найти. Егор работал у нас. Когда человек исчезает, родственники не только в полицию звонят.

— Помощь с оплатой шла от вас?

— От людей, которым было не всё равно. Сергей занимался. Бушуев. Мы тогда вместе работали, он лучше помнит сотрудников.

— Тогда — это когда?

— До того, как меня похитили.

Он произнёс это без паузы, словно заранее решил не отдавать собеседникам право вводить тему осторожным тоном. Люба достала блокнот и спросила, можно ли записывать. Белозёров пожал плечами.

— Вы же всё равно запомните то, что захотите.

— Я поэтому и записываю, чтобы не только то, что захочу.

Он впервые чуть улыбнулся.

Марк спросил о Шатрове. Автоэлектрик иногда подрабатывал водителем, чинил служебные машины, после похищения ушёл. Бурлак заведовал площадкой и помогал с перевозками. Лыткин какое-то время занимался охраной и сопровождением, потом перестал появляться. Белозёров перечислял людей спокойно, но на последней фамилии дважды повернул стакан.

— Вы с ним встречались после девятнадцатого года?

— С кем?

— С Лыткиным.

— Да.

Люба подняла глаза от блокнота. Белозёров заметил.

— В этом нет тайны. Он должен был ответить на несколько вопросов. Ответил плохо.

— Каких?

— Где он был, когда меня держали. Почему исчез. Куда делись люди, которые знали территорию. Вам знакомо желание получить ответы, когда официально их пока нет?

— Знакомо, — сказал Марк. — Оно не делает любые ответы правдой.

Белозёров откинулся на спинку стула. На его правом запястье виднелся широкий светлый след. Марк не стал рассматривать, но тот всё равно заметил.

— От часов. Не от наручников. Не надо дорисовывать.

В разговоре впервые появилась злость. Люба спокойно попросила официанта принести салфетки: на её чашке остался след кофе. Пока тот ходил, Белозёров взял воду и выпил почти половину.

— Я сорок два часа не видел лиц, — сказал он после паузы. — Слышал голоса. Машины слышал. Один кашлял. Потом мне показывают фотографии: этот? Не знаю. Может, этот. Голос похож? Похож на сотню других. Я предприниматель, а не специалист по голосам. В какой-то момент всем стало удобнее считать, что я и сам что-то недоговариваю.

— А вы недоговаривали?

— Про деньги — да. Про похищение — нет.

Он произнёс это с вызовом. Марк не ответил сразу. Вадим хотел, чтобы он занял одну из привычных позиций: обвинял или сочувствовал. Оставаться между ними было труднее, зато полезнее.

— Влада боится Лыткина, — сказал Марк. — Вы знаете почему?

Белозёров посмотрел в окно. За стеклом женщина парковала машину и никак не могла выровнять её между разметкой и соседним бампером.

— Она считает, что он убил Мишу. Давно считает.

— Вы?

— Я считаю, что кто-то из своих объяснил посторонним, сколько у нас денег и как нас заставить их отдать. Лыткин мог быть этим человеком. Шатров мог знать больше, чем говорил. Бурлак тоже. У меня половина жизни теперь состоит из слова «мог».

Люба спросила, общался ли он с Бурлаком этим летом. Белозёров не ответил сразу.

— Один раз. По телефону.

— О чём?

— Он хотел денег.

— За что?

— За сведения, которые должен был сообщить бесплатно. Я отказал.

Марк видел, как у него напряглась челюсть. Вадим говорил не всё, но торопить его сейчас значило остаться и без этого.

— Вы ведь понимаете, почему я спрашиваю, — сказал Марк.

— Понимаю. Человек попросил денег, потом умер. Значит, я. Следом умер второй — тоже я. Очень стройно. Только вы забываете, что я сам полтора месяца после освобождения учился входить в лифт. Можете записать. В машине ещё мог ехать, если окно открыто. А в лифт не мог.

Он подвинул чашку к краю стола, как будто хотел убрать между ними предмет, который мешал говорить.

— Я не собираюсь вас убеждать, что хороший. Не хороший. Но если бы знал, кто убил Мишу, не нанимал бы людей ходить вокруг старых фамилий.

— Каких людей? — спросила Люба.

Белозёров понял, что сказал лишнее. Впервые за встречу отвёл глаза.

— Тех, кто может узнать.

Марк не стал давить. Попросил сообщить об этих людях следствию и объяснил, что несколько параллельных поисков уже создают опасность: за одними и теми же людьми ходят разные наблюдатели, никто не знает, кто чей. Белозёров слушал с закрытым лицом.

— У вас есть дочь? — спросил он.

— Нет.

— Тогда не буду приводить пример. Обычно все приводят детей, чтобы выиграть спор. У меня тоже нет. А человек, которого я похоронил, был другом тридцать лет. Это не стало легче от того, что у нас нет подходящей фразы.

Люба закрыла блокнот. Полчаса уже прошло, но Белозёров не смотрел на часы. Марк спросил, когда можно поговорить с Бушуевым.

— Позвоните ему. Он обычно отвечает даже тогда, когда лучше бы не отвечал.

— Вы сейчас работаете вместе?

— Нет. Остались общие обязательства, старые договора. Доли разделили. У каждого своё.

— Мирно?

Белозёров усмехнулся.

— Вы видели хоть один мирный раздел, в котором есть что делить?

На прощание он дал визитку и попросил передать Полине, что готов помочь. Люба сказала, что девушка сама решит, нужна ли ей помощь. Он кивнул, будто такого ответа и ожидал.

На улице Марк остановился, чтобы поправить повязку. Ткань тянула кожу, и он неудачно задел шов.

— Болит? — спросила Люба.

— Нет, наслаждаюсь.

— Перестань улыбаться. У тебя лоб мокрый. И послушай: он деньги Бурлаку дал.

— Думаешь?

— Думаю. Но из этого пока ничего дальше не следует.

Марк посмотрел через стекло кафе. Белозёров всё ещё сидел за столом и держал стакан двумя руками. Официант подошёл с терминалом; Вадим не сразу его заметил.

— Он боится, — сказал Марк.

— Да. Только платил он Бурлаку или нет, мы от этого не узнали.

Они пошли к машине. Марк набрал Руденко, чтобы передать главное, и заметил на противоположной стороне улицы тёмный универсал. Он стоял у светофора в ряду других машин. Разглядеть водителя было невозможно.

Марк проводил его глазами, пока поток не тронулся. Люба не спросила, что он увидел. Сама посмотрела туда же, записала номер и только после этого села за руль.

Глава 9. Не тот поворот

Универсал у кафе оказался чужим. Марк получил ответ Руденко, когда они ехали к офису Бушуева. Он прочитал его вслух, но телефон не убрал: в зеркале появлялся и исчезал белый фургон.

— Ты сейчас от каждого холодильника будешь шарахаться, — сказала Люба.

— Я не шарахаюсь.

— Ты третий раз просишь меня пропустить съезд. Мы уже едем не туда, куда договорились.

Он посмотрел на дорогу. Она была права: он начал превращать обычную поездку в проверку, не предупредив даже человека за рулём. Фургон свернул к магазину, и Марк почувствовал одновременно облегчение и стыд.

— Прости. Едем прямо.

Бушуев принимал их в низком офисном здании возле складов. На парковке стояло несколько грузовиков, у ворот курил мужчина в жилете. Сам Сергей Сергеевич вышел навстречу без пальто, крепкий, седой, с широким лицом, на котором усталость казалась постоянной чертой. Он пожал Марку здоровую руку, Любе кивнул и сразу спросил, нужно ли переставить стулья, чтобы ему было удобнее.

— Рука не нога, дойду, — сказал Марк.

— Иногда рука хуже. У меня после плеча полгода любая дверь врагом была. Проходите.

В кабинете работал телевизор без звука. На экране грузили зерно; внизу бежали биржевые цифры. Бушуев выключил его и предложил чай. Люба отказалась, Марк попросил воды.

— Трагедия, — сказал хозяин. — Алина же ещё молодая совсем. Я её помню девчонкой. Приходила к брату, крутилась возле машин. Шатров слишком поздно решил объясниться с сестрой.

Марк поднял глаза.

— Что вы имеете в виду?

— Годами прятался. Если бы раньше поговорил, может, не понадобилось бы всё это. Вы понимаете, я не про вас. Вы делали работу.

Объяснение было естественным. Марк принял его, но фразу записал. Бушуев смотрел на блокнот без раздражения, словно помогал составить деловой отчёт.

Он подтвердил, что оплачивал часть поисков. У него сохранились связи с семьями бывших сотрудников. Когда Нелли пожаловалась на исчезновение мужа, он предложил Зубова. Потом появилась Алина. С Полиной он общался и прежде; дочь Михаила знала его с детства.

— Нелли сама к вам обратилась?

— Это всё через Игоря шло. Они со мной расчёты давно закрыли.

Марк отметил расхождение: Нелли говорила, что Зубов нашёл её сам. Бушуев пересказывал разговор, которого не слышал.

— Почему именно Зубов?

— Потому что умеет находить специалистов. Я не выбирал вас по фотографии. Спросил, кто реально работает. Он назвал вас и ещё одного человека. Второй был занят. Вы согласились.

— Отчёты получали?

— В общих чертах. Нашли, не нашли, нужны ли дополнительные расходы. Я ведь платил.

— Платили родственникам.

Бушуев кивнул.

— Да. Мой платёж им, их договор с вами. Игорь иногда пересказывал, на каком этапе работа. Вы считаете, я лишнее спрашивал? Запрос придёт — бухгалтерия всё поднимет.

Люба спросила, что именно он знал о Бурлаке после розыска. Бушуев назвал Бор, ремонтную базу и факт разговора с бывшей женой. Сказал, что сам туда не ездил. После смерти помог с похоронами.

— Через кого передавали деньги?

— Через водителя. Аркадий. Он здесь работает, можете спросить. Это никакая не тайна.

Марк записал имя. Всё, что Бушуев сообщал, выглядело проверяемым. От этого оставалось странное чувство: человек словно заранее раскладывал перед ними те ящики, которые можно открыть, и не мешал заглядывать внутрь. Но наличие закрытых ящиков Марк пока ничем подтвердить не мог.

— Лыткин у вас работает?

Бушуев медленно поставил чашку.

— Сейчас нет.

— Раньше?

— Давно. Потом брал отдельные поручения. Машину перегнать, встретить человека.

Ничего постоянного.

— Последнее поручение?

Он задумался. Люба наблюдала за ним, не опуская глаз к блокноту.

— Летом. Точно скажу, если посмотрю расчёты. У меня много водителей, я не держу всех в голове.

— Влада Сорокина его боится.

— Влада считает, что он убил Михаила. Я знаю. Она ещё тогда говорила. Я помогал ей добиваться проверки.

— И что?

— Проверяли, до обвинения не дошло. Я ей помогал чем мог, но результат гарантировать не брался. Вы ведь тоже договор заключаете на работу, а не на ответ, который хочет клиент.

Марк попросил номер Лыткина. Бушуев нашёл контакт и продиктовал. Не стал звонить сам, не предложил немедленно организовать встречу. Это выглядело корректно, и Марк не хотел подозревать человека только за то, что тот ведёт себя корректно.

На столе стояла семейная фотография: Бушуев с женщиной у какого-то водоёма, молодой парень между ними. Марк не спрашивал о семье. Хозяин сам заметил его взгляд.

— Сын. В Екатеринбурге сейчас. Упрямый, весь в меня, как жена говорит. Хорошо, что далеко от всей этой истории.

Телефон на столе завибрировал. На экране высветилось «Вадим». Бушуев посмотрел, перевернул аппарат и продолжил разговор. Он не спросил, были ли они у Белозёрова, хотя наверняка уже знал или скоро узнает.

— Что ещё я могу сделать?

Марк попросил сохранить переписку с Зубовым и Лыткиным, сведения о платежах и передать их по официальному запросу. Бушуев согласился. На выходе догнал их с визиткой сотрудницы бухгалтерии.

— Если меня не будет, обращайтесь к ней. Она знает, где что лежит. И скажите Нелли, если будете разговаривать: по машине я помогу. Там документы запутались, но решаемо.

Они вышли на парковку. Люба открыла машину и остановилась, глядя на телефон. Звонил хозяин будущей мастерской; она ответила, раздражённо отвернувшись от ветра. Марк отошёл к краю площадки, чтобы не слушать торг.

У соседнего грузовика стоял человек в серой куртке. Он разговаривал с водителем, положив руку на открытую дверь. На большом пальце белел свежий пластырь.

Марк задержал взгляд на пластыре. Он уже тянулся к телефону, когда мужчина повернулся и показалась седина над ухом — короткая полоска под ровно подстриженными волосами. Водитель, которого он видел у офиса в день стрельбы? Отсюда было не разобрать.

Он шагнул ближе.

Человек заметил его и перестал говорить. Не побежал. Просто отнял руку от двери, кивнул водителю и пошёл между грузовиками.

— Подождите! — окликнул Марк.

Мужчина прибавил шаг. Марк достал телефон, но не успел одновременно набрать номер и обойти выступающий бампер. Ударился бедром, выругался и пошёл следом. За спиной Люба закончила разговор и крикнула его имя.

Он не ответил. Между кузовами было узко; человек впереди свернул за фургон, и Марк на несколько секунд потерял его. Когда вышел в следующий проход, тот уже открывал дверь тёмного универсала.

— Мне нужно с вами поговорить!

Мужчина сел. Марк успел увидеть лицо целиком: тяжёлую нижнюю челюсть, узкий рот, светлые брови. Ничего, что позволило бы сказать «я видел его во дворе». Зато теперь было лицо, которое он не собирался забывать.

Машина тронулась. Марк отступил, почувствовал плечом холод борта и понял, что зажал себя между двумя автомобилями. Универсал прошёл слишком близко. Боковое зеркало ударило его по забинтованной руке; боль была такая резкая, что он присел, удерживая предплечье у живота.

Люба подбежала через несколько секунд. Она уже говорила по телефону, называя номер и направление движения. Марк слышал слова, но не мог заставить себя выпрямиться.

— Ты идиот, — сказала она, прикрыв микрофон. — Сейчас не спорь, это не вопрос.

Из офиса вышел Бушуев. Увидел их, подошёл, спросил, что случилось. Марк показал на выезд.

— Кто был с водителем? В серой куртке.

Бушуев посмотрел туда, где ещё минуту назад стоял универсал.

— Лыткин. Он иногда сюда приезжает. Я не знал, что сегодня будет.

Люба продолжала разговор. Марк смотрел на хозяина офиса, пытаясь понять, было ли в его лице настоящее удивление или только то выражение, которое полагалось показать. Рука болела слишком сильно, чтобы он доверял своим выводам.

— Вы его позвали? — спросил он.

Бушуев побледнел.

— Нет. И можете забрать у меня телефон, если не верите.

Марк не взял телефон. Попросил вызвать сотрудников и сохранить записи камер на площадке. Потом сел на край бетонного блока возле ворот и позволил Любе осторожно отогнуть повязку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.